

Н. Н. МОИСЕЕВ

Русский космизм и учение В. И. Вернадского о ноосфере

В науке XIX века, с ее стремлением к прозрачным и ясным схемам, с ее глубокой убежденностью, что мир в своей основе достаточно прост, человек превратился в стороннего наблюдателя, изучающего мир «извне». С развитием научного метода происходит неизбежное — человек в представлениях новой науки покидает Вселенную, Космос. И в пустом космосе появляются свои законы, подобные законам действующего автомата. Раз мир может быть объяснен без человека и без божественного разума, то он и должен быть так объясняем. Таково требование науки, таково следствие принципа «лезвия Оккама»¹, многократно оправдавшего себя и утвердившегося в естествознании XIX столетия! Возникло странное противоречие — человек, ведь он же существует. Но существует как бы сам по себе. А космос, природа — тоже сами по себе. И их порой объединяют, если это можно назвать объединением, только религиозные воззрения.

Но в том же XIX веке появляется и новое умонастроение, которое как бы снова возвращается к воззрениям древних греков. Но не просто возвращается. Оно теперь обогащено всеми приобретениями опыта с использованием возникшего научного метода. Человек, как и в античные времена, снова становится действующим лицом, неотделимым от космоса, его частью, его составляющей. И он, человек, теперь изучает космос «изнутри», не как наблюдатель, а как участник событий. Он изучает и свою причастность к процессам, внутри его происходящим. Это умонастроение получило название русского космизма. Оно родилось в России и является одной из важнейших страниц истории русской и мировой философской и естественно-научной мысли. Я убежден в том, что это один из очень важных вкладов в сокровищницу европейской культуры, вклад, к сожалению, мало

известный не только широкой публике, но и специалистам. И не только за рубежом, но и у нас в стране.

Одна из особенностей русской философской школы — глубокий синтез естественно-научной и философской мысли. Такое явление — своеобразный феномен, и его генезис заслуживает известного внимания. Без этого обсуждения будет, вероятно, непросто объяснить, почему учение о ноосфере возникло именно в нашей стране. Но для подобного обсуждения процесса совместного развития естественных наук и философских воззрений потребуется высокий профессионализм историка науки. Поэтому я ограничусь лишь несколькими замечаниями общего характера.

Историю русской мысли и развития естествознания в России во второй половине XIX века, как мне кажется, нельзя понять, не обратив внимания на одну особенность истории России XVIII века. Первыми учеными-естествоиспытателями в России были преимущественно немцы или немецкие швейцарцы. Они принесли с собой и специфическую культуру научных исследований. Ее особенность — тщательная отработка отдельных деталей и приверженность к определенным стандартам. Все это в определенной степени противоречило русскому темпераменту. Я не собираюсь умалять огромной роли этого «немецкого слоя» русских ученых: без их участия возвращение России в клуб европейских держав было бы еще более длительным и мучительным. Но следующий слой — русские ученики немецких учителей — был в основном представлен эпигонами, а эпитонство, стремление во всем следовать своим учителям, редко бывает успешным. И в начале XIX века общий уровень науки в России относительно мирового уровня, как мне представляется, несколько снизился. Но затем стали появляться русские ученики русских учителей, не обремененные жесткими канонами немецкой традиции. Они работали уже в том ключе, который отвечал особенностям русской национальной традиции (может быть, даже уместно сказать — национальному характеру). И вот появляется ряд блестящих имен.

Этой плеяде ученых свойственно стремление к широте взглядов, стремление осмыслить изучаемое явление в целом, его место в потоке фактов. Возникают новые оригинальные «системные конструкции». Тому пример система Менделеева. Сеченов также, вероятно, был первым, кто начал изучать человека в его единстве. Не только психическом и физическом, но в единстве человека и окружающей среды. К числу подобных явлений будут затем причислены и работы В. И. Вернадского. Сейчас мне

важно заметить, что во второй половине XIX века в России произошло переосмысление содержания и целей научных исследований, утвержденных еще в XVIII веке. И это происходило всюду — в химии, биологии, геофизике...

Так случилось, что одновременно и в философской сфере возникла определенная реакция на западноевропейский рационализм. Можно по-разному относиться к кружку Любомудров и течению славянофилов, но Иван Киреевский был, безусловно, первым, кто четко обозначил, что холодный рассудочный анализ эпохи Просвещения привел к потере единства представлений о мире. Он увидел разрыв между рациональным видением мира естествознанием XIX века и иррациональностью человеческого «Я»!

Так или иначе — все это еще заслуживает специальных исследований, — но в результате взаимовлияния философско-гуманитарной мысли и работы естествоиспытателей возникло замечательное явление, именуемое теперь русским космизмом. Это своеобразное течение мысли, если угодно, умонастроение, в рамках которого преодолевалось противоречие эпохи Просвещения и снова картина мира обретала цельность, единство, как это было в античные времена. Человек снова становился частью природы; развитие мысли, согласно воззрениям космистов, это уже не иррациональная категория, а столь же естественный для природы процесс, как и развитие светил. Мысль — это важнейшая составляющая мирового эволюционного процесса. Природа, космос — вот кто рождает человека. И он обязан изучать ее. И не с позиций стороннего наблюдателя, как биолог исследует насекомых, а как участник развития природы, не только испытывающий на себе влияние космоса и природных процессов, но и, будучи носителем Разума, способный оказывать на него воздействие, в том числе и целенаправленное.

Я описал ту интеллектуальную атмосферу, в которой формировалось мировоззрение В. И. Вернадского — естествоиспытателя, материалиста, философа. От того, что здесь сказано, до учения о ноосфере один шаг. Но он требовал осмысления огромного экспериментального материала и преодоления той естественно-научной традиции, которая доминировала в естествознании XIX века. Вот почему создание учения о ноосфере — это не только этап развития науки, сопоставимый с копернианской или дарвиновской революцией, но и подвиг человека.

В XX веке стала понятной (процесс понимания был длительным и тяжелым) недостаточность принципа «стороннего наблюдателя». Новая физика, изучение микромира по-новому за-

ставили взглянуть на многие вопросы. Обсуждение роли прибора, с помощью которого исследователь вмешивается в течение изучаемых им процессов, ставило новые проблемы глубокого философского значения.

Огромное впечатление на физиков и лиц, следящих за ее развитием, производит согласованность фундаментальных физических констант: незначительное изменение гравитационной постоянной или скорости света, например, привело бы к тому, что в таком мире уже не могли бы возникнуть стабильные космические образования и, конечно, жизнь в ее современном понимании. В результате возник принцип антропности: в мире происходит так, потому что мы есть! Другими словами, если бы соотношение констант, если бы те правила (законы), которые определяют процесс самоорганизации материи во Вселенной, были бы иными, то нас просто не было бы. И некому было бы изучать развитие Вселенной и процессы, в ней происходящие.

Это положение в точности противоположно тому, которое начало входить в науку со времен Коперника, — истинно лишь то, что может быть установлено без ссылок на человека, его деятельность, его способность к наблюдению. Но ведь русский космизм, а вместе с ним и В. И. Вернадский видели в человеке — носителе разума не только зрителя мирового процесса развития, но и его участника. И может быть, принцип антропности не так уж далек от идей космизма. Но в то же время в самой формулировке принципа антропности многое еще не договорено — может быть, его надо заменить и сказать иначе, в форме известного афоризма: «Никогда такого не было, чтобы ничего не было»? Будь иными физические константы, другой была бы Вселенная, по-другому шли бы процессы самоорганизации материи, по-другому, на определенном этапе своего развития, материя начала бы познавать себя. И тоже появился бы какой-то аналог принципа антропности? Может быть!

Уместны ли здесь дискуссии?

Мне кажется, важнее другое. Надо воспринимать мир, каков он есть! И делать из этого определенные выводы. В русском космизме и его наследнике — учении о ноосфере — возрождены те гуманистические позиции, которые лежали в основе европейской цивилизации: природа и человек, их единство и неразсторжимость. Но теперь этот общий принцип, это единство получают не только научный фундамент, но и служат источником конкретных действий. Мы начинаем понемногу понимать, что Разум, во всяком случае разум, рожденный на земле, для своего развития (и даже просто сохранения) должен из зрителя

и наблюдателя все больше превращаться в участника мирового процесса развития. Он должен быть способен расширять свое воздействие на окружающую среду и перестраивать своего носителя — человека, продукт сложного процесса эволюции, во многом несовершенный и плохо приспособленный к той роли греческих богов, которые должны властвовать на небе. Теперь уж только Разуму придется создавать тот образ, которому должны следовать его носители, ибо эволюционный процесс индивидуального совершенствования практически закончился уже десятки тысяч лет тому назад. Ему придется создавать новые принципы этики и морали и той организации «исполнителей и наблюдателей», которые окажутся способными превратить этот дуализм в единство!

Размышляя о дальнейших путях развития биосферы и общества, В. И. Вернадский вряд ли представлял себе, что время, когда для человека станет жизненно необходимым направляемое развитие биосферы, согласование этого процесса с развитием общества, настанет столь скоро. Но то, что такое время однажды наступит, — В. И. Вернадский представлял себе достаточно четко. Вот почему мне кажется уместным говорить не столько о ноосфере, сколько об эпохе ноосферы. Этим термином условимся называть ту эпоху в истории человечества, когда развитие производительных сил, развитие цивилизации в целом, должно быть согласовано с развитием планеты, и прежде всего биосферы. Введение такого понятия тем более имеет смысл, что вступление человечества в эпоху ноосферы, т. е. переход биосферы в ее новое, управляемое состояние, произойти стихийно не может. Этот переход потребует от человечества огромных усилий, перестройки его общественных и социальных структур, ибо в эпоху ноосферы все большую роль будет играть экологический императив, т. е. осознанное поведение людей, согласованное с объективно необходимыми требованиями квазистабильности окружающей среды. Экологический императив накладывает весьма жесткие ограничения на общественное развитие, на поведение человека и человечества. Вот почему утверждение о неизбежности перехода биосферы в ноосферу мне представляется неправомочным: он не может произойти автоматически, человечество должно оказаться способным его осуществить. Он выдвигает, в частности, множество проблем перед науками об обществе, ставит на повестку дня вопросы морали, этики, поднимает проблему нравственного императива.

Учение о ноосфере мне представляется далеко выходящим за пределы естествознания и дает основу для синтеза естествен-

ных и общественных наук. Если встать на эту точку зрения, то перед исследователями неизбежно возникает серия проблем грандиозного общечеловеческого звучания. И первая среди них — выработка стратегии человечества, способной обеспечить переход общества в эпоху ноосферы. Ее важнейшим элементом является изучение и утверждение экологического императива — совокупности ограничений и запретов, выполнение которых необходимо для дальнейшего прогресса человека, развития биосферы, их совместной эволюции. <...>

Я думаю, что мы стоим на пороге того времени, когда различные науки начнут сливаться в единую науку о человеке, и ту науку, которая возникает, может быть, следует назвать наукой о развитии ноосферы. Человеку всегда свойственно стремление создать общую картину мира, в которой его конкретные знания не только были бы связаны между собой, но и позволили бы увидеть самого себя, свое место в том многообразии фактов и процессов, которое регистрирует наше сознание. Наука о развитии ноосферы как раз и отвечает этой потребности.

